

ОН ВЗЯЛ БЫ ПУШКИНА В РАЗВЕДКУ

ГЕРОЙ БОРОДИНА, ПОЭТ И КАРТЕЖНИК ПЕТР ВЯЗЕМСКИЙ, РОДИВШИЙСЯ 230 ЛЕТ НАЗАД, БЫЛ ОДНИМ ИЗ СОЗДАТЕЛЕЙ НЫНЕШНЕЙ СЛУЖБЫ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ

К

Князь Петр Андреевич Вяземский был участником Бородинской битвы, поэтом, литературным критиком, мемуаристом, оппозиционером, политическим мыслителем, государственным деятелем и другом Пушкина. Он прожил 86 лет — очень долгую жизнь по меркам XVIII и XIX веков. Родился в конце царствования Екатерины II, а отошел в небытие за несколько лет до убийства Александра II народолюбцами, застав и воспев в стихах рождение последнего императора Николая II.

Разносторонний жизненный опыт и многогранность имевшихся у Вяземского дарований обусловили его непростые и запутанные отношения с пушкинской эпохой.

Выразитель «другого» мнения

Выразитель «другого» мнения

В первых числах октября 1992 года, когда в подмосковном Остафьево отмечали 200-летие со дня рождения князя Петра Андреевича Вяземского, присутствующим участникам научной конференции был зачитан доклад генерального Юрия Михайловича Лотмана «Аутсайдер пушкинской эпохи»¹.

Как только ни называли раньше Вяземского — «памфлетером», «поэтом пушкинской плеяды», «декабристом без декабря», — стремясь как можно точнее уложить многогранную личность юбиляра в прокрустово ложе строгих научных определений, но только Лотман ухитрился поразить цель:

«Принципиальная позиция Вяземского заключалась в том, чтобы быть «либералом среди реакционеров», «реакционером среди либералов», всегда аутсайдером, всегда выразителем «другого мнения»¹.

Именно эта принципиальная несгибимость со временем, в которое ему довелось жить, и породила парадоксальную ситуацию, при которой князь «то подымается на щит, как один из ведущих выразителей эпохи, то безнадежно забывается, чтобы через некоторое время быть «открытым» снова. Сейчас мы приближаемся ко времени «нового» открытия Вяземского. Какие из граней его сложного литературного существования будут высвечены новой эпохой, сейчас сказать трудно, но событие это приближается»².

Спустя тридцать лет настало время высветить новую, совершенно неожиданную грань в жизни и судьбе князя Петра Андреевича, стоявшего у истоков создания Службы внешней разведки государства Российского.

Героический офицер

Князь Вяземский был храбрым офицером. Во время Бородинской битвы он под ожесточенным артиллерийским огнем неприятеля на своем плаще вынес из боя генерал-майора Алексея Николаевича Бахметева, которому ядром оторвало правую ногу ниже колена. В этот день адъютант генерала Милорадовича поручик князь Вяземский неоднократно рисковал жизнью, но на склоне лет о своем личном участии в кровопролитном сражении вспоминал с известной долей иронии:

«Я так был неопытен в деле военном и такой мирный Московский барич, что свист первой пули, пролетевшей надо мной, принял я за свист хлыстика. Обернулся назад и, видя, что никто за мной не едет, догадался я об истинном значении этого свиста.

Вскоре потом ядро упало к ногам лошади Милорадовича. Он сказал: «Бог мой! видите, неприятель отдает нам честь». Но, для сохранения исторической истины, должен я признать, что это было сказано на французском языке, на котором говорил он охотно, хотя часто весьма забавно-неправильно»³.

Вспоминая о Бородинской битве, князь не слова не сказал о полученной боевой офицерской награде — ордене Св. Владимира 4-й степени с бантом, которым его наградила фельдмаршал князь Кутузов по представлению Милорадовича, но посчитал нужным отметить одну выразительную деталь. Под Вяземском во время сражения были убиты две лошади, и князь счел долгом уточнить: лошади были даны ему сослуживцами. «...Павшие мной лошади не мне принадлежали. Стали бы, в эти достопамятные дни самоотвержения, частных и общих жертв, я ни собою, ни

крепостной собственностью моею не пожертвовал»⁴.

В этом отчетливо проявился характер Петра Андреевича, чрезвычайно щепетильного, когда речь шла о чужой собственности или казенных деньгах, и в высшей степени безалаберно относившегося к своему состоянию. Запомним эту красноречивую подробность — она нам еще пригодится.

Петр Андреевич происходил из русского княжеского рода, восходящего к смоленской

ПОД ВЯЗЕМСКИМ ВО ВРЕМЯ БОРОДИНСКОГО СРАЖЕНИЯ БЫЛИ УБИТЫ ДВЕ ЛОШАДИ, И КНЯЗЬ СЧЕЛ ДОЛГОМ УТОЧНИТЬ: ЛОШАДИ БЫЛИ ДАНЫ ЕМУ СОСЛУЖИВЦАМИ

ветви Рюриковичей. Его отец, князь Андрей Иванович, нижегородский и пензенский генерал-губернатор, сенатор и действительный тайный советник, оставил сыну значительное наследство. Жена Вера Федоровна, урожденная княжна Гагарина, принесла мужу изрядное приданое — родовое имение в Костромской губернии, в котором проживало 1025 крепостных крестьян. Казалось бы, живи да радуйся.

В 1820 году Пушкин написал четверостишие «К портрету Вяземского»:
*Судьба свои дары явить желала в нем,
 В счастливым баловне соединив ошибку
 Богатство, знатный род — с возвышенным умом
 И простодушие с язвительной улыбкой.*

¹ С. Дич. Портрет П. Вяземского. 1838 год.

² Ф. Рубо. Фрагмент панорамы «Бородинская битва».

МНЕ НУЖНО БЫЛО В ТО ВРЕМЯ КИПАТИТЬ СВОЮ КРОВЬ
НА КАКОМ ОГНЕ БЫ ТО НИ БЫЛО, И Я ПРОКИПАТИЛ
НА КАРТАХ ОКОЛО ПОЛУМИЛЛИОНА... ПЕТР ВЯЗЕМСКИЙ

Бесшабашный игрок

Вяземский был не только храбрым офицером, но и чрезвычайно азартным игроком. «...У нас краугольный камень, связь и ключ общества — карты. Они за зеленым сукном уравнивают звания, возрасты, полы, глупость и ум, образованность и невежество, честность и корыстолюбие. Одно условие, одно отличие — курс игры, кто почем и кто во что играет: по этому сходится и не расегаются... Тут не увидите вы поэзии страсти, имеющей всегда, и в безобразии своем, драматическую сторону: нет, тут одна холодная, машинальная страсть, проза страсти во всей плоскости своей»³.

О том, сколь беспорядочно и быстро князь Петр Андреевич, увлеченный «прозой страсти», промотал в карты свое наследственное богатство, сам он чистосердечно поведал в письме, 21 октября 1823 года отправленном из Остафьево другу и многолетнему корреспонденту Александру Ивановичу Тургеневу:

«Когда я расстраивал свое состояние, я еще не думал о том, что у нас таковое расстройство сопряжено с цепью многих нравственных и политических начал. Мне нужно было в то время кипятить свою кровь на каком огне бы то ни было, и я прокипятил на картах около полумиллиона...»⁴

Чтобы оценить баснословность проигранной в карты суммы (671,5 млн рублей образца мая 2022 года) применительно к реалиям 1823 года, следует знать, что в это время содержание вдовствующей императрицы Марии Федоровны и ее двора составляло один миллион ру-

блей в год, что равнялось годовому бюджету столичного города Санкт-Петербурга, а само подмосковное Остафьево было куплено в далеком 1792 году всего-навсего за 26 тысяч рублей.

Стремясь свести концы с концами и хоть как-то поправить расстроенное карточным проигрышем состояние, князь Вяземский продал в казну несколько подмосковных деревень. И его бывшие крепостные крестьяне стали заниматься строительством храма Христа Спасителя. Однако возвращаться на государственную службу пребывавший в отставке с 1821 года князь не торопился. Он прекрасно осознавал всю сложность своего материального положения: «лета, семейные обстоятельства, ограниченность моего состояния препятствуют мне в свободном избрании службы»⁵.

Ситуация изменилась лишь весной 1830 года, когда Вяземский, имевший прочную репутацию либерала и оппозиционера, после де-

³ Усадьба на Волхонке, проданная Петром Вяземским в 1812 году.

⁴ Ф. Бинеман. Портрет Веры Вяземской, жены князя.

⁵ Ф. Бруни. Портрет Прасковьи, Надежды и Марии Вяземских, дочерей князя. 1835 год.

вяти лет отставки решил положить конец своему затянувшемуся конфликту с властью и определенным чиновником особых поручений в Министерство финансов.

Лазутчик от науки и техники

Тогдашний министр финансов генерал от инфантерии граф Егор Фраццевич Канкрин был первоклассным государственным деятелем, прекрасно осознававшим, что государство Российское нуждается не только в могучей армии, но и в образцово организованной разведке — как военной, так и политической, экономической, финансовой и научно-технической. Министр Канкрин прозорливо разглядел в наблюдательном и остроумном «памфлетёре» будущего разведчика. Профессию журналиста с профессией разведчика роднит одно весьма существенное обстоятельство — умение извлекать закрытую информацию из

МИНИСТР ФИНАНСОВ КАНКРИН ПРОЗОРЛИВО РАЗГЛЯДЕЛ В НАБЛЮДАТЕЛЬНОМ И ОСТРОУМНОМ «ПАМФЛЕТЁРЕ» ПЕТРЕ ВЯЗЕМСКОМ БУДУЩЕГО РАЗВЕДЧИКА

*6
В.А. Жуковский,
А.С. Пушкин,
П.А. Вяземский.
Рисунок Ю.В. Иванова.
Открытка, 1984 год.

*7
Поднос с визитками
в доме-музее Василия
Львовича Пушкина
(дяди А.С. Пушкина)
на Старой Басманной
улице в Москве. Среди
прочих визитка Петра
Вяземского.

*8
А. Пушкин.
Петр Вяземский.
Рисунок, 1826 год.

*9-11
Произведения
Петра Вяземского.

открытых источников. Сам князь Вяземский отлично осознавал это родство, назвав современных журналистов лазутчиками «во стане живых и мертвых»⁹. (В 1830-х годах слово «разведчик» еще не употреблялось. Когда заходила речь о разведке, предпочитали использовать слова «шпион» и «лазутчик».)

Канкрин быстро ввел энциклопедически образованного Вяземского в круг его служебных обязанностей. Князю не потребовалось много времени на раскочку. Он быстро освоился с новым родом деятельности. «...В хорошо образованной голове истинно умного человека есть место всему: и теплой и признательной любви к прошедшему, и требованиям от настоящего, и упованиям на будущее»¹⁰. 9 августа 1830 года, через четыре месяца после определения на службу по Министерству финансов, князь был командирован в Москву и назначен членом Комитета для устройства выставки российских изделий¹¹. Ему надлежало не только должным образом организовать саму выставку и продемонстрировать публике состояние российской промышленности, подведомственной Министерству финансов, но и составить каталог выставки и написать о ней в журналах.

Однако особое поручение не ограничивалось лишь этим. Граф Канкрин решил использовать князя Вяземского именно в том уникальном качестве, в котором сам Петр Андреевич мыслил себя на государственной службе. Чиновнику надлежало стать при министре тем самым «термометром, которым мог бы и ощущать, и сообщать» не только об успехах, но и о недостатках и живейших потребностях оте-

чественной промышленности, срочно нуждавшейся в модернизации.

Выставка произвела фурор. 2 ноября 1831 года сам Николай I с императрицей Александрой Федоровной и наследником Александром Николаевичем побывали на ней, более двух часов с интересом рассматривали экспонаты, а затем император пригласил на званый обед 50 московских фабрикантов и именитых купцов, во время которого оживленно беседовал с ними о мануфактурном производстве.

«Московская выставка продолжает обращать на себя всеобщее внимание, — свидетельствовал Вяземский. — Каждое утро она сборное место многочисленных посетителей: на бир-

*12
Посещение
Николаем I
с семейством
промышленной
выставки в Москве
2 ноября 1831 года.

*13
Е. Ботман. Портрет
Е. Канрина. 1872 год.

ВЯЗЕМСКИЙ ВОЗГЛАВИЛ ЗАГРАНИЧНУЮ АГЕНТУРНУЮ СЕТЬ МИНИСТЕРСТВА ФИНАНСОВ. АГЕНТЫ СЛЕДИЛИ ЗА НОВЫМИ ИЗОБРЕТЕНИЯМИ, ПРИСЫЛАЛИ В РОССИЮ ЧЕРТЕЖИ, МОДЕЛИ...

Выставка. Москва, 1831 г. (фрагмент картины Е. Канрина). Холст, масло. Дарование Императору Александру I. Холст, масло. Дарование Императору Александру I.

же, на площадях, в гостиных, в смиренных жилищах простолюдина, в кабинетах ученых, она предмет общих разговоров, наблюдений, пересудов. Москва более нежели когда-нибудь столица мануфактурная. Вельможки, дамы, чиновники, светская молодежь, не говоря уже о мануфактуристах, промышленниках, торговцах, все только и толкуют, что об изделиях, все как будто из-за станков, из мастерских, все вольноопределяющиеся в члены Технологического Института.

...Ныне, благодаря правительству, выставки обнародывают богатства государства, дают права гражданства в России Русским изделиям, знакомят нас с самими собою, указывают в чем мы более успели, чего нам не достает, дают живой отчет в настоящем и предсказывают усовершенствования в будущем»¹⁴.

Отныне сам князь Вяземский, обстоятельно изучивший состояние российской промышленности, хорошо знал, «чего нам не достает», и мог конкретно ставить заграничной агентуре задания по добыванию необходимой информации. Проявленное князем служебное рвение было отмечено и вознаграждено. 5 августа 1831 года он был пожалован придворным званием камергера. 21 октября 1832 года назначен исполняющим должность вице-директора Департамента внешней торговли, а 6 декабря 1833 года произведен в чин статского советника и утвержден в должности вице-директора и в этом качестве возглавил заграничную агентурную сеть Министерства финансов.

«Агенты следили за новыми изобретениями, за положением промышленности; доставляли описание наиболее совершенных фабрик, присылали новейшие образцы изделий, чертежи, модели и даже экземпляры машин. ... Кроме того, агенты Министерства финансов, так же, как некоторые посольства и консулы, оказывали помощь фабрикантам в прискании иностранных мастеров. Присылаемые агентами большие и полные коллекции образцов, а также модели машин выставлялись для обозрения всех желающих в особом зале в департаменте, о чем

публиковалось в газетах; затем такую выставку отправляли в Москву и другие города; доставляемые же агентами министерства новые машины передавались для опытов на фабрики»¹⁵.

Инспектор заграничной агентуры

Вице-директор Департамента внешней торговли князь Вяземский ежегодно получал значительные денежные награждения — по 3000 рублей ассигнациями. По существовавшим в то время правилам, даже «за отличие по службе» награду можно было получить лишь один раз в два года, а Вяземский получал их ежегодно: столь ценными были добытые его агентурой сведения. Ему несколько раз жаловали аресты, в течение многих лет позволявшие получать фиксированный доход с казенных имений. Князь неоднократно совершал продолжительные заграничные поездки и то самое время, когда большинство его современников были «невыездными». Заграничный паспорт выдавался чрезвычайно редко и крайне неохотно, да и заплатить за него надо было немало — 500 рублей в год.

¹⁴ Открытие памятника князю Вяземскому. Остафьево, 15 июля 1913 года.

¹⁵ Усадьба Остафьево сегодня.

У князя был веский повод для получения загранпаспорта: восемнадцатилетняя княжна Подина (Прасковья) Вяземская болела туберкулезом легких и нуждалась в воздухе Италии (11 марта 1835 года княжна скончалась в Риме). Однако лечение дочери было лишь формальным поводом для заграничного вояжа. В действительности князь занимался организацией и инспектированием агентурной сети. Именно по этой причине чрезвычайно безалаберный князь Вяземский, когда дело касалось его собственных денежных дел, на сей раз исключительно скрупулезно фиксировал в записной книжке все свои заграничные расходы, чем спустя столетие весьма озадачил издателя и комментатора записных книжек. Записи дорожных расходов делались для предстоящего авансового отчета. Что касается примечания издателя «причина краткого путешествия Вяземского за границу осенью 1835 г. неясна»¹⁶, то теперь мы эту причину знаем: князь Вяземский выполнял очередное разведывательное поручение.

«Император Николай I внимательно следил за этою стороною деятельности Министерства финансов. Ему докладывали обо всех важнейших изобретениях и успехах техники; поступавшие от агентов образцы новых материй представлялись Их Величествам, причем Государыня Императрица обыкновенно выбирала несколько наиболее отличающихся изящностью вкуса образцов, по которым и заказывались для Ея Величества материи на петербургских или московских фабриках»¹⁷.

Так история внешней разведки причудливо переплелась с историей моды. Реальная жизнь всегда богаче, чем фантазия романиста. Можно только представить, каким новым экспромтом разразился бы Александр Сергеевич Пушкин по поводу головокружительных сюжетов судьбы своего удивительного друга...

Впрочем, гениальный поэт о многом догадывался и в канун дуэли 26 января 1837 года просил Вяземского напомнить их общему приятелю князю Петру Борисовичу Кошловскому о заказанной ему для «Современника» статье «Краткое начертание теории паровых машин».

16

17

В Великобритании уже началась промышленная революция и применительно к обстоятельствам времени и места эта статья была столь же жизненно необходима для безопасности государства Российского, как в грядущем 1945-м разведанные по Атомному проекту...

¹⁶ Прасковья Петровна Вяземская.

¹⁷ Князь П.А. Вяземский. 1864 год.

В декабре 2020 года, в преддверии столетнего юбилея Службы внешней разведки, о ее прошлом и настоящем рассказал директор СВР, председатель Российского исторического общества Сергей Нарышкин. Имя первого председателя Императорского Русского исторического общества князя Петра Вяземского было названо главой СВР первым в ряду наиболее известных имен выдающихся государственных деятелей, еще в XIX веке стоявших у истоков создания внешней разведки»¹⁸.

¹ Зыкова Г., Максимова М. Из московских записок [Остафьевской чтения к 200-летию П.А. Вяземского] // Новое литературное обозрение. 1993. № 2. С. 355, 358.

² Лотман Ю.М. Аутсайдер пушкинской эпохи // Новое литературное обозрение. 1994. № 7. С. 108.

³ Там же.

⁴ Вяземский П.А. Востани-

ания в 1812 году // Вяземский П.А. Полное собрание сочинений. В 12 т. Т. 7. СПб., 1882. С. 204.

⁵ Там же. С. 209.

⁶ Вяземский П.А. Из книги «Фон Визин» // Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. М.: Искусство, 1984. С. 204.

⁷ Остафьевский архив князей Вяземских. В 5 т. Т. 2. СПб., 1899. С. 362.

⁸ Вяземский П.А. Записные книжки (1813–1848). М., 1963. С. 163 (литературные заметки).

⁹ Вяземский П.А. Новая поэма Э. Кинэ // Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. С. 130.

¹⁰ Вяземский П.А. Князь Петр Борисович Кошловский // Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. С. 162.

¹¹ Шилова Д.Н., Нузьмина Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906: Библиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 158.

¹² Вяземский П.А. Полное собрание сочинений. В 12 т. Т. 2. СПб., 1879. С. 175, 176–177.

¹³ Министерство финансов. 1802–1902. Ч. 1. СПб., 1902.

С. 341.

¹⁴ Вяземский П.А. Записные книжки (1813–1848). С. 441.

¹⁵ Министерство финансов. 1802–1902. Ч. 1. СПб., 1902. С. 341.

¹⁶ Интервью Сергея Нарышкина журналу «Историк». «Есть такая профессия» // <https://historyrusia.org/polemika/intervyu-s-naryshkina/esli-takaya-professiya.html>